

Журнал "Крестьянка"

№9, Сентябрь 1955

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Крестьянка": №9, Сентябрь 1955 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45224-3

"Крестьянка" - это журнал, известный каждой женщине в Советском Союзе. "Крестьянка" и "Работница" два журнала про женщин и все, что их волнует: красота, здоровье, работа и карьерный рост, культура, психологическая помощь, решение проблем в доме и в семье. Среди авторов журнала в разные годы были А. В. Луначарский, Демьян Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, А. Т. Твардовский и многие другие известные писатели. Журнал был также известен тем, что имел собственную сеть корреспондентов из народа (селькоров). Первый номер вышел в июне 1922 году, тиражом в пять тысяч экземпляров, а в 1973 году - 6 миллионов 300 тысяч. Журнал также продавался в Германии и Испании.

ISBN 978-5-458-45224-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В дни жатвы соревнование, как правило, захватывает всех. Соревнуемся и мы, полеводы, соревнуемся и механизаторы. Слышко соревновался с комбайнером Галкиным, работавшим на полях наших «соперников». Приедешь в степь к Слышко, а он уже с мостика кричит:

— Сколько Галкин выкосил?

Так же и Галкин Василия Григорьевича встречал:

— Сколько у Слышко?

На них глядя, и остальные комбайнеры стали следить за тем, сколько в соседней бригаде скашивают. И влились механизаторы в наше межбригадное соревнование.

Решил Перемитчик, бригадир девятой тракторной бригады, которая закреплена за нами, скирдовать солому по-новому: не только копны к месту скирдования тракторами стягивать, но и на скирду копны трактором подавать. Решено — сделано. В результате освободилось десять колхозников.

Не успели мы еще освоить как следует новый способ скирдования, как механизаторы из второй полеводческой бригады переняли наш метод. А через день шлют к нам мальчонку с запиской. В ней сказано: «Скирдоправа себе заведите, человека, который бы руководил всеми операциями при скирдовании. Мы завели — дело лучше пошло, чем у вас».

— Совет дельный, — сказал Перемитчик, прочитав записку. И тоже выделил скирдоправа.

Был в бригаде участок ржи в 18 гектаров. Полегшую, всеми ветрами перепутанную и на редкость густую, трудно было убирать ее комбайном. Но убирать вручную — сколько времени на это уйдет. А стоять ей никак нельзя, через дня три осыпаться начнет, половину урожая, а то и больше потеряем.

И говорю я Слышко:

— Выручай.

— Не могу, — отвечает, — я с этой рожью возиться. Ее дня на три хватит, а за это время меня Галкин гектаров на 75 обгонит. И рад бы, да нет мне расчета, Прокофьевна.

На первый взгляд — прав он. Три дня будет косить рожь, а за работу втрое — вчетверо меньше получит, чем на пшенице.

Однако я от своего не отступаю. Стала на совесть бить.

— Эх, Степан Алексеевич, — говорю. — Не думала я, что единоличник ты.

— Я единоличник?! Ты, бригадир, слова осторожней выбирай. Ты еще пешком под стол ходила, когда я на трактор сел. Да я...

Словом, крепко его задела, вижу, кипит человек.

А я снова, да спокойно так, словно и не замечаю:

— А как же иначе-то назвать мне тебя, Степан Алексеевич? Потеряет бригада наша на этой ржи центнеров 100 зерна, если во-время не убрать ее. На всех наших колхозников пятно ляжет, и хоть ты на 100 гектаров Галкина обгони, все равно будет наша бригада за потерю эту на самом последнем месте.

Тут и соломокопнильщицы Марфа Таран и Мотя Порубец к Слышко подступать стали.

— Веди на рожь машину, если совесть есть!

И Слышко повел. Днем чертыхался и убирал рожь, а как солнце садилось, спешил на пшеницу переехать и до утра косил ее. Не отстал он от Галкина и в конце уборки разделил с ним районное первенство в соревновании комбайнеров.

Однако и по сей день вспоминает комбайнер те 18 гектаров ржи, не будь которых обогнал бы он Галкина гектаров на 50, не меньше. Вспоминает, но не жалеет.

Мне же думается, что полегшая рожь, которую довелось косить ему, подняла в душе его последнюю залежь, оставшуюся еще с доколхозных времен. Выше стал человек, красивее.

Сейчас уже можно подвести итог нашего соревнования за год.

Колосовых взяли по 20 центнеров с гектара, на 2 центнера перевыполнили социалистические обязательства. И хотя по урожайности и наша и вторая полеводческая идут ровно, снова первенство в соревновании осталось за нами. Подвела «соперников» очистка зерна на току. Частенько простаивали у них зерноочистительные агрегаты, и поэтому хлеб государству возили с токов нашей бригады. Сдачу хлебопоставок наш колхоз закончил одним из пер-

Сев озимой пшеницы в первой полеводческой бригаде.
За качеством сева следит сама А. П. Станкевич.

вых в районе. Уже выдано на трудодень авансом по 2 килограмма хлеба.

И вот, когда стали выдавать хлебный аванс, звеньевая по кукурузе Полина Сергеевна Лалова сказала мне с горечью:

— А ведь могли больше дать, если бы весной урожаем не убавили.

И знаю я, не о лишнем килограмме думала Лалова, говоря эти слова.

Припомнила она, что не подвезли во-время суперфосфат и не была поэтому проведена подкормка посевов. Не меньше чем полцентнера на гектаре потеряли. Умножить эти полцентнера на 2 900 гектаров, что были у нас зерновыми засеяны,— немалая цифра получится.

Припомнила и то, как озимые бороновали по весне.

— Ведь ты подумай только! — возмущалась она.— Я тракториста Дениса Парфеновича Лычмана за 250 растений, что попортил он по недосмотру при культивации кукурузы в моем звене, поездом ела. А вот руководители наши районные да энтээсовские за то, что дали приказ тяжелые бороны на озимые посевы этой весной пустить, ни перед кем не отвечают.

Тяжело вспоминать про весеннее боронование озимых. Считаю мы, что неправильно дали команду из района — повсеместно провести боронование в ранние сроки. Не посчитались с тем, что весна в этом году была затяжная, холодная. Осенью же озимые были посеяны в сухую землю и начали давать всходы лишь в ноябре месяце, когда прошли дожди. К весне озимые вышли слабыми, нераскутившимися. Росток еще слабо держался корнями за почву, не окреп, и тяжелые бороны вырвали часть растений из земли, часть засыпали землей. Будь весна теплая, засыпанные землей растения пробудились бы к жизни, но влага и холод — в таком случае плохие помощники слабому ростку, и он нередко гибнет.

По своему почину мы провели вместо боронования каткование посевов с легким рыхлением даже не боронами, а пущенными сзади катков метлами из сучьев. Так мы обработали 342 гектара, где озимые были посеяны не по чистому пару, а по луцевке после кукурузы. И урожай там равен урожаю с тех полей, на которых озимые высевались по чистому пару, но бороновались тяжелыми боронами. А ведь каждому колхознику хорошо известно, что озимые по чистому пару должны давать урожай на 3—4 центнера с гектара выше, чем на непаровых полях.

И говорят колхозники: для плана бороновали, чтобы сводку начальству представить; попозже для пользы дела бороновать надо было, и не тяжелыми боронами. Весной нашим районным руководителям следовало бы поехать по колхозам, посоветоваться с людьми насчет того же боронования.

И уверена я, что тогда соревнование принесло бы больше пользы.

Литературная запись В. КОВАЛЕНКО.

Колхоз имени Орджоникидзе,
Никопольский район,
Днепропетровская область.

Зеленый пассажир

М. ТИМОНИН

Поезд мчится в светлый полдень мая,
Пар плывет и тает над рекой;
Женщина в вагоне обнимает,
Как дочурку, яблоньку рукой.

А сама немножко задремала,
Близ нее задумала прилечь,
Простыней ее опеленала,
Чтоб ростки пахучие сберечь.

Дым табачный по вагону бродит,
Кто-то песни продолжает петь.
Осторожно пассажиры ходят,
Чтоб ее плечами не задеть.

Вечереет, поезд с гулом мчится,
Стынет в речне солнечный закат.
Чуть в окошко яблонька стучится,
Из вагона хочет выйти в сад.

Огород

Н. ЛИЦЕНКО

Огород разрастается густо,
Он укропом и тмином пропах.
Спозаранку надела капуста
Сто зеленых и белых рубак.

Разбросав свои плети на воле,
Огурец между грядками лег.
И стручок перезрелой фасоли
Весь набит, как тугой кошелек.

Хмель украдкой ползет на ограду,
Загляделся подсолнух в окно...
В этот год потрудилось, как надо,
Огородное наше звено.

Праздник ДРУЖБЫ

Каждые два года собирается молодежь всего мира на свой праздник. Пятый Всемирный фестиваль молодежи проходил в августе этого года в Варшаве — столице Польской Народной Республики. На празднество прибыли тридцать тысяч юношей и девушек из ста сорока четырех стран.

Пятнадцать дней на улицах, площадях, стадионах, в театрах, клубах Варшавы молодые люди разных стран показывали свое мастерство в народных танцах и песнях, участвовали в спортивных состязаниях.

Веселой, шумной была в эти дни Варшава. Этот старинный, существующий уже семь веков город в 1944 году был почти полностью уничтожен гитлеровцами. Трудолюбивый польский народ отстроил вновь свою прекрасную столицу. Но еще видны в Варшаве ужасные памятники войны. В дни фестиваля на одном из разрушенных домов висел огромный плакат: летящая бомба, а под ней слово: «Нет!» Это слово «нет» хором повторяли тысячи людей, собравшихся на площади имени Сталина в день открытия фестиваля.

— Нет! Не бывать больше войны! — эта мысль объединяла всех участников фестиваля. Какой счастливой и праздничной будет жизнь во всем мире, если все народы будут жить в дружбе, если огромные средства будут затрачиваться не на во-

оружие, а на повышение благосостояния людей — об этом думали все собравшиеся на замечательный праздник!

Варшавский фестиваль внес большой вклад в борьбу за мир, за счастливую жизнь во всем мире.

Фото В. Егорова (ТАСС).

На снимках:

Выступают спортсмены Польши (вверху).

Участники фестиваля посадили в Центральном парке культуры и отдыха новую аллею из голубых елей. Ее назвали «Аллея дружбы».

Посланцы Народного Китая приветствуют своих друзей. ↓

Праздник
ДРУЖБЫ

На снимках:

Улицы Варшавы заполнила жизнерадостная молодёжь
(вверху).

Молодые танцовщицы исполняют народный индийский танец.

↓ Японская молодёжь обучает австрийцев своим песням.

На трибунах почёта спортсменки Советского Союза, Польши и Румынии, занявшие первое, второе и третье места в международных спортивных играх.

БРИГАДИР

Веселина ГЕНОВСКАЯ

КОГДА на собрании кооператива села Грудово было решено послать Станку Граматикову учиться в одногодичную школу бригадиров, та растерялась.

Образования у нее не было: двенадцати лет, не окончив начальной школы, Станка вынуждена была пойти в прислуги. Правда, в кооперативе Станка работала хорошо. Но одно дело работа, другое — учеба.

Парторг ободрил смущенную Станку.

— Твой отец, — сказал он, — ничего не боялся. Он участвовал в Сентябрьском восстании против фашистов и был посажен в Бургасскую тюрьму. А ты курсов испугалась.

Станка задумалась.

— Если нужно, постараюсь, — прошептала она.

...Директор школы, просмотрев документы, оглядел Станку с ног до головы и воскликнул:

— Чудесный бригадир-полевод!

Станка, краснея, тихо сказала:

— Для работы в поле гожусь. Но тут что я буду делать с книгами, не знаю.

— Если справлялась там, справишься и здесь, — сказал директор.

На первых лекциях Станка совсем расстроилась. Она не успевала записывать. На всех переменах и до позднего вечера приходилось переписывать у других. Однажды подруги застали ее в слезах. К ней подошли преподаватели и директор.

— Что с тобой, Станка? Получила плохие вести из села? Скучаешь по мужу и ребенку?

Но Станка качала головой.

— Верните меня, верните, пока не поздно. Зачем зря деньги переводить?

— Вернем, вернем, — успокаивали ее. — Только не плачь. Вернем, но... отличницей.

На первом же экзамене по земледелию Станка получила отличную оценку, и ее начали ставить в пример всему классу. А в августе она вернулась домой с дипломом отличницы и наградой.

Сперва Станку послали работать в звено, но уже через два месяца она стала бригадиром.

Станка разработала производственный план своей бригады, чтобы получить как можно больший урожай. Ведь этому ее учили в школе. «Мужчины ничего не могли поделать, а она хочет повысить урожай», — шептались недоверчиво в бригаде.

Трудно было Станке. Каждое агротехническое мероприятие проводилось не легко. И хотя она не добилась того, о чем мечтала, все же ее бригада по урожайности всех культур вышла на первое место.

На следующий год Станке стало легче: в ее знания поверили. Все члены бригады работали с увлечением. А сама она не ходила — летала. Станку приняли в партию, и это удвоило ее силы. Особенно порадовал бригаду хлопок: вместо 4,5 центнера с гектара, предусмотренных по плану, собрали по 12,6 центнера на всей площади. А с 23 гектаров, подкормленных древесной золой, — по 22,6 центнера.

И вот когда, казалось, все пошло на лад, Марин, муж Станки, выступил на собрании кооператоров и потребовал, чтобы жена вернулась домой смотреть за домом и ребенком.

— Есть у меня жена или нет? — протягивал он руки к собравшимся. — Дом запустел. Больше я не могу.

Ребенок, о котором он так сокрушался, тринадцатилетняя Тодорка, тоже была на собрании. Она сидела среди женщин, подавала отцу знаки, чтобы он замолчал. Ведь она помогает дома!

Хлопчатник становится одной из важнейших технических культур в Болгарии. На снимке — сбор хлопка в трудовом кооперативно-земледельческом хозяйстве Горно-Оряховской околин.

Болгарская крестьянка.

Но Марин не унимался. Он бил себя в грудь и всячески доказывал, какой он несчастный.

Но он ничего не сказал о разговорах по вечерам в темных закоулках, о том, как ему нашептывают, что счета в хозяйстве запутаны, что на трудодень вряд ли получат больше двух левов (лев — болгарская денежная единица). И ведь разве он не мужчина! Оставили его где-то в хвосте, а жену назначили бригадиром.

Марин правды не говорил, но кооператоры догадывались, в чем дело. Они знали, что есть в селе люди, которым кооператив стал поперек пути.

Станка поразилась. Она начала понимать, что муж повторяет чужие слова, и лихорадочно думала, что ему ответить. В это время слово взял бывший бригадир, ее предшественник.

— Нет смысла посылать женщин в школы и на курсы, — заявил он, — побудут, как Станка, без году неделю и уйдут.

Тут уже Станка не выдержала.

— Товарищи, разве я сказала, что уйду? Поста бригадира я не покину. Помните, когда меня посы-

Новые оросительные системы помогают значительно повысить урожайность в Народной Республике Болгарии. На снимке — канал Червенобрежской оросительной системы.

лали на курсы, моего мужа спросили: не задержит ли он меня дома, когда я вернусь с учебы? Он тогда ответил, что ничего против не имеет. Не так ли было, Маринчо? — обратилась она к мужу.

Но тот, даже не взглянув на жену, пошел к выходу.

После собрания женщины обступили Станку.

— Что ты теперь будешь делать? Как вы помириться? — с тревогой спрашивали они.

— Не бойтесь. Все уладится, — улыбалась Станка, но губы ее дрожали.

Когда она пришла с дочерью домой, окошко в кухне светилось, но дверь была заперта.

— Маринчо! — окликнула Станка тихо, чтобы не слышали соседи. — Отвори.

— Некому мне открывать, — зло ответил Марин. — Иди в хозяйство, твой дом там. Тодорке отворю, а тебя знать не хочу.

Он приоткрыл дверь.

— Входи, Тодорка.

Но девочка прижалась к матери.

— Я войду только с мамой.

— Ну, как хочешь. — Дверь захлопнулась.

— Маринчо, — снова постучала в дверь Станка, — отвори, нужно поговорить.

Марин не отозвался. Тогда начала стучать девочка.

— Папа, отвори.

Дверь наконец отворилась.

Станка села против мужа на табуретку, положила руки к нему на колени и пристально посмотрела в глаза.

— Помнишь, с чего мы начали? Помнишь, как жили, пока не вступили в хозяйство?

Станка вспомнила лишения и невзгоды, какие пришлось претерпеть в молодости.

— Ты не спрашивай, как мы начали, скажи лучше, чем кончим. Как дадут нам по леву — два на трудодень, тогда посмотрим, что ты с ними будешь делать.

— Подожди, — сказала Станка. — Цыплят по осени считают.

На другой день все село ждало, выйдет ли Станка с бригадой на работу или останется дома.

Ранним утром та как ни в чем не бывало пошла на поле.

Целых два месяца не прекращалась борьба в доме Станки.

Когда подвели итоги года, Марин Грамматиков узнал, что деньгами на трудодень приходится по 7,5 лева. А вдвоем со Станкой они выработали 1 150 трудодней. Он прикинул в уме, и у него потемнело в глазах от стыда. За что он так обидел жену? Зачем попался на удочку?

Семья Грамматиковых получила столько зерна, что и в амбаре не уместилось, а кроме того им выдали растительное масло, вино, брынзу, шерсть.

Веселые и довольные Станка и Марин вместе с дочкой поехали в Бургас покупать платье, обувь, новую мебель.

Однажды вечером, когда Станка составляла годовой производственный план бригады, к ней подошел Марин, положил ей руку на плечо и тихо сказал:

— Ты уж прости, что я так...

Сокращенный перевод с болгарского.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

ИЗМОТАННЫЙ нелегкой службой, директорский «газик» вихлял и дребезжал на каждом ухабе, но Евдокия Андреевна Зайчукова давно привыкла к плохо наезженной дороге. Откинувшись на спинку сиденья, в который раз вспоминала Евдокия Андреевна вчерашний разговор на пленуме обкома партии. Да, можно сказать, что ее «проработали»... А за что? Трудилась, кажется, не хуже других.

Евдокия Андреевна вспоминала свой приезд в Казахстан. Одна за другой в ее памяти вставали картины зимней жизни на целине. Вот 16 ноября 1954 года, день ее приезда. Пустынные, заснеженные пути 78-го разъезда, и в дальнем тупике единственный вагончик, предназначенный для будущей центральной усадьбы совхоза «Двуречный». И она около этого вагончика, в центре маленькой группы будущих совхозных работников. Тогда, в первый день, были здесь и рабочие, а не одни лишь руководители, как в десятках других совхозов, — директор, его заместитель, главный агроном, главный инженер... Как помогли ей семеро демобилизованных паренюков — трактористов и шоферов — в те первые, самые трудные дни! Ведь без них никак не сумела бы Евдокия Андреевна осуществить свой план. Состоял он в следующем. Все знакомые Зайчуковой директора новых совхозов в первую очередь заботились о том, чтобы обзавестись базами на железнодорожных станциях — помещениями, где можно разместить на зимнее время людей, куда можно подогнать машины, подвезти горячее и запасные части. Собраться там за зиму с силами, а по весне двинуться в степь уже с десятками тракторов и вагончиков для жилья, с готовым сплоченным коллективом в сотни людей... Но Евдокия Андреевна понимала: в зимнем безделье коллектив не сплотишь — и потому решила с первых же дней вывезти людей в степь, обосноваться там накрепко, чтобы весной, в посевную, не думать уже ни о жилье, ни о дальних перевозках.

Спустя несколько дней раздобытый в ближнем Жаныспайском совхозе трактор оттащил на место будущей центральной усадьбы первый двуреченский вагончик. Трактор вел демобилизованный сержант Валентин Глазов, рядом с ним в кабине сидела Евдокия Андреевна. Несколько часов новоселы таскали по степи вагончик, пока наконец не облюбовали место для центральной усадьбы на высоком берегу Ишима. Здесь не только воду, но и топливо можно было раздобыть в изобилии: берега реки заросли густым тальником.

К вечеру его прутья уже разогрели железную печурку в вагончике, и в прихваченном Евдокией Андреевной из дому, с Приднепровья, чайнике закипела студеной ишимская вода. Всю ночь не погасал огонь в раскрас-

Директор совхоза «Двуречный» Е. А. Зайчукова.

невшейся печурке, и все-таки наутро стены и потолок вагончика побелели от инея.

Утром трактор двинулся обратно на станцию за новыми вагончиками, за новыми людьми, а Евдокия Андреевна с приехавшими с нею рабочими принялись наводить порядок в своем первом жилище: шпаклевали щели в стенах, обивали войлоком пол, тщательно промазывали окна.

Изо дня в день в двуреченской усадьбе появлялись новые люди — почти все недавние солдаты, и 12 декабря, когда в Казахстане проходили выборы народных судей, на центральной усадьбе совхоза были зарегистриро-

ваны 38 избирателей. А кроме них, здесь уже жили и маленькие новоселы — не менее десятка детишек. Нелегко им было добираться на «Двуречный» этой суровой зимой.

Когда перевозили семейство шофера Барагуры, задул бурян, водитель потерял направление, горячее кончилось, — и людям пришлось сутки дожидаться в степи, пока подоспел подмога. Никаких припасов с ними не было. В ложке топили снег, чтобы напоить двухлетнюю дочку Барагуры — Светочку.

Но зато на усадьбе детишек сразу окружили заботой и лаской. Особенно вспоминались сейчас Евдокии Андреевне новогодние празднества 1955 года. Главный агроном Ля Яковлевна Гольберг привезла из районного центра — Киймы — настоящую большую елку, раздобыла там же новогодние игрушки, и утром 1 января вокруг изукрашенной елки заплясали совхозные ребятишки. Потом пели, читали стишки, изумлялись подаркам — пачкам печенья, коробкам конфет с московскими и киевскими этикетками. Евдокия Андреевна веселилась вместе со всеми, плясала, придумывала детские игры, но нет-нет, да и вспоминались ей собственные, теперь уже взрослые дети.

На строительстве атбасарского зернохранилища работают две подружки-комсомолки — Ирина Польший из Кривого Рога (справа) и Раиса Тищенко из Днепрпетровска.

В нелегкую пору они росли, но и тогда, в начале тридцатых годов, когда Евдокия Андреевна вместе с мужем организовывала колхозы и совхозы на Украине, старалась она доставить радость своим и чужим ребятишкам.

Вслед за новогодними празднествами Евдокия Андреевне вспоминались вьюжные февральские дни. В начале февраля на двуреченскую усадьбу приехали переселенцы из Черкасской области — Григорий Ильич Томченко со своими братьями, племянниками и племянницами. Народ все здоровый, работающий — настоящие хлеборобы. Только одеты были совсем не по-казахстански — кто в сапогах, а кто и в ботиночках, кто в кепке, кто в летней фуражке, кто в ватнике, кто в демисезонном пальто. И вот на следующий же день Евдокия Андреевна решила отправиться с тремя грузовыми машинами в Атбасар за зимней одеждой и другими необходимыми новоселам вещами. В Атбасаре она достала даже больше, чем рассчитывала: кроме валенок и полшубков, раздобыла кой-какие станки для мастерских, оконное стекло, гвозди, паяльные лампы, мешки для зерна, матрацы и простыни для общежития. Загрузили машины и тронулись в обратный путь, когда на степь уже надвинулся затяжной февральский бурян.

Шесть дней длилась эта поездка. Впереди, прокладывая путь, пробирался директорский «газик», за ним гуськом тяжелые ЗИСы. По несколько раз в час машины останавливались, директор, главный агроном — все, кто ехал в головном «газике», — брались за лопаты, отбрасывали снег; потом опять продвигались на километр, на полкилометра, а то и на сто метров...

Трудная была поездка, но зато по-зимнему приодетые вышли на работу черкасские переселенцы. А поехав за семьей, Томченко привез из родной Чичерковзки новое пополнение — семьдесят парней и девчат. «А отчего б им и не поехать в «Двуречный»? — объяснял он свой успех. — Туда, где о тебе заботятся, всякого потянет».

Уже к марту, к моменту приезда основных новоселов, на двуреченской усадьбе было построено шесть домов и оборудовано для жилья двадцать вагончиков, а в мае домов стало четырнадцать — больше, чем в любом другом новом совхозе Акмолинской области. В посевную двуреченским руководителям куда меньше, чем их соседям, приходилось думать о бытовых вопросах, и это не могло не сказаться на настроениях рабочих, на ходе работы. Сев «Двуречный» закончил одним из первых и целины распахал больше любого другого совхоза области.

И все-таки, надо признаться, об ней недаром говорили на пленуме. Да, поработали двуреченцы хорошо, но она, директор совхоза, не всегда умеет смотреть далеко вперед...

* * *

До секретаря совхозной партийной организации Сергея Кирилловича Якименко дошли слухи о том, что двуреченскую директоршу крепко «пробрали» на пленуме

Утром в полевом стане третьей тракторной бригады.

Трактористы совхоза нашли в степи маленьких лисят и отдали их детям. На снимке: сын тракториста Граблевского Сережа и дочь учетчика Безъязычного Вера вместе с парварихой А. Вахрушевой ухаживают за лисятами.

обкома партии, и поэтому не удивительно, что он с нетерпением ждал возвращения Зайчуковой. И вот она вернулась, быстро вбежала в вагончик, где жили совхозные руководители, перехватила настороженный взгляд парторга, усмехнулась ему в ответ:

— Слышал, значит, про пленум?.. Слушай теперь, что делать будем...

Лицо Зайчуковой было уже серьезным, сосредоточенным.

— Вот что, Якименко, — твердо, как всегда, сказала она. — Просчитались мы с тобой, крепко просчитались... Момент не учли — того, что ступенькой выше наш с тобой совхоз поднялся и такие теперь перед ним требования можно поставить, какие перед другими хозяйствами мы поставили...

Все время с первого дня у совхозного коллектива была четкая ближайшая задача — создание в пустынной степи механизированного зернового хозяйства на 30 тысяч гектаров. Для этого они вели зимой стройку, быстро и хорошо отсырелись, к началу июня распахали больше половины целинных земель.

А вот не учла главного: что уже сейчас нужно думать о создании не чисто зернового, а многосторонне развитого хозяйства, с тысячей дойных коров, с десятком тысяч свиней на откорме, с десятками тысяч кур, гусей, уток, со своим большим садом, с валовым доходом в 30—40 миллионов рублей ежегодно... Конечно, нынешней осенью такого хозяйства не создашь, но за полтора — два года его создать можно, и заботиться об этом надо начинать уже сегодня... Да, тут нет места для успокоения. Тут надо браться за работу по-новому. И, пожалуй, самое основное — сразу, с первого дня изменить свое отношение к стройке и строителям.

— ...Вот тут ты, парторг, и должен крепко помочь, — закончила Зайчукова.

* * *

До весны двуреченцы строили собственными силами, и строили, как все считали, неплохо, но после многое переменялось. В области были созданы особые строительные организации, на двуреченскую усадьбу приехали строители-сталинградцы, подчиненные тресту «Есильстрой». А совхозный народ целиком переключился на пахоту и сев. И так получилось, что строительные дела руководство совхоза упустило из своих рук.

Вернувшись из Акмолинска, Зайчукова постаралась первым делом разобраться в положении дел на стройке. Положение-то было незавидное: рабочие часами простаивали из-за отсутствия песка или воды, а часто даже из-за того, что, выполнив задание, не могли найти десятника или прораба и не знали, чем заняться дальше. Сколько кто выработал, сколько заработал за день, никто не знал. Замеры производились только раз в месяц, и тогда плотники и каменщики, штукатуры и кровельщики, к удивлению своему, узнавали, что заработали они всего лишь двести или триста рублей.

Кормили в столовой тоже плохо. Строители рассказывали Евдокии Андреевне о прокисшем супе, которым

угощали их, о тухлых консервах, которые предложили вчера на ужин, и недвусмысленно намекали на то, что здесь, конечно, есть «сынки» и «пасынки», что лучшие продукты всегда отправляются «своим», в бригады, а не строителям.

Обойдя строительную площадку, Зайчукова в тот вечер побывала у строителей на квартирах и в числе других заглянула к семейству Тапузовых. Семейство это она называла своим «связующим» звеном. Тапузов-отец работал в совхозе трактористом, а дочки его — штукатуры — трудились на стройке. Их Евдокия Андреевна застала дома. Младшая, семнадцатилетняя Алла, возилась с обедом, а старшая, Тамара, сидела на столе и пощипывала струны гитары. Завидев директора, она, не меняя позы, тоскливо протянула:

— Ох, и скука здесь, Евдокия Андреевна...

Зайчуковой нравилась эта девушка, сильная, трудолюбивая, неробкая, лучший штукатур и лучшая певунья «Двуречного». Можно ли обвинять Тамару, что ей скучно на стройке? Предложила вот Тамара создать комплексную строительную бригаду, как было это у них в Сталинграде, — отказали: говорят, материала не хватит. Предложила воду насосом брать: ведь Ишим под бочком, — тоже отказ. Насос, мол, плунжерный, предназначен только для раствора. Ну вот сегодня опять полдня простояли: воды не было. И вообще народ нехороший подобрался, бездельники есть, месяцами не работают, а над другими насмеваются. Карты у них вечно, водка. Секретарь строительной комсомольской организации с ними в одной комнате жил, не выдержал, сбежал.

— Завтра ваших бездельников в совхозе не будет, — пообещала Зайчукова, поговорив с Тамарой.

Разговор на ту же тему возник в совхозной конторе, где собиралось партийное бюро.

Сначала они сидели впятером, члены бюро: Якименко, Зайчукова, бригадиры тракторных отрядов Тимченко и Коновалов, рабочий совхоза Миногин.

Общую мысль высказал бригадир Коновалов.

— Признать мы должны, — сказал он, — есть у нас вина перед строителями. Как у нас получилось? О совхозных рабочих заботились, а строителей оставили в стороне. И по какой причине? Оттого, что по другой линии отчеты у них идут! А дело-то одно, общее, и партийная организация одна, общая.

О чем только не говорили в тот вечер потом, когда пришли на бюро руководители стройучастка, представители торгующих организаций, совхозные специалисты! Решили поставить стройку под постоянный партийный контроль и тут же выяснили, что многие причины недовольства рабочих можно устранить немедленно. Главный инженер совхоза Малов взялся сменить клапаны в злосчастном плунжерном насосе, чтобы он качал не только раствор, но и воду. Закрепили тут же за стройучастком определенные машины, определенных водителей и грузчиков, чтобы не было больше упреков на трудности с подвозом материала. Строго предупредили директора столовой. Обязали руководителей стройки немедленно навести порядок в выдаче нарядов, замеры работы, начислении зарплаты. А когда прораб Цибулька высказал опасения, что бездельники попрежнему будут разлагать коллектив, Зайчукова решительно повторила:

— Завтра их тут не будет.

Когда все неотложные хозяйственные вопросы были решены, парторг Якименко сказал:

— Еще одно дело обсудить надо. Смотр самодеятельности в нашем районе готовится. Я думаю, нам надо принять в нем участие. Подготовить хотя бы десять человек.

— Вот так предложил! — тотчас перебила его Зайчукова. — Нет, с таким коллективом я на смотр не поеду. Не десять человек мы, Якименко, подготовим, а может быть, сотню. Я берусь подготовить. Так и запишите. За смотр Зайчукова ответственная.

Она в ту минуту думала о Тамаре, о ее скуке и о том, каким новым, богатейшим средством сплочения всего совхозного коллектива может стать этот смотр самодеятельности.

...С бюро разошлись поздно — оживленные, захваченные тем новым, что входило в жизнь совхоза.

Казахская ССР.

Владимир КРИВЕНЧЕНКО

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

ПО ИНДОНЕЗИИ

Валентина СКОТТ

Фото автора.

МНЕ довелось отправиться в путешествие по Индонезии. Представление об этой стране было у меня самое общее.

Я знала, что в Индонезии больше восьмидесяти миллионов населения и что живут индонезийцы на многочисленных островах Индийского и Тихого океанов. Большинство населения живет на островах Ява и Суматра. Знала я еще, что индонезийцы долго были в иностранной зависимости и самоотверженной борьбой добились установления республиканского строя в стране.

Мы приехали на Яву, в столицу Индонезии Джакарту. Растительность Индонезии поразила нас своей роскошью. Всюду огромные цветы необычайной расцветки, тенистые пальмы, густые цветущие кусты.

В первый же день мы познакомились со слушательницей вечерней школы, которая собрала десятки тысяч подписей под Венским Обращением Всемирного Совета Мира, и с видной общественницей, известным врачом. Вместе с ними пошли осматривать город.

У входа в дом, сколоченного из бамбука и цыновок, мы заметили объявление: «Здесь занимается кружок ликвидации неграмотности». Нас пригласили в дом. Около ста женщин, сидя на цыновках, усердно выводили на маленьких грифельных дощечках: «Мы хотим работать, отдыхать, учиться».

Это уборщицы, грузчицы, продавщицы, строители — женщины разных профессий — пришли после работы на занятия.

Мы побывали на многолюдных собраниях, на которых члены женской организации «Гервани» рассказывали о национальной героине Каргинии, пятьдесят лет назад возглавившей борьбу за независимость Индонезии. На другом собрании мы слышали взволнованный рассказ о нашей Зое, о новом Китае. Все собрания охотно посещаются женщинами.

«Гервани» — самая массовая организация женщин в Индонезии. Она входит в Международную федерацию женщин и активно участвует в движении сторонников мира. Значок общества «Гервани»: белый цветок на голубом фоне. Все члены «Гервани» ведут большую общественную работу. Каждая грамотная женщина считает своим долгом передать свои знания другим. Всюду много плакатов, призывающих бороться с инфекциями. Женщин обучают уходу за грудными детьми.

Мы познакомились с заместителем председателем организации «Гервани» Уми Сарджона.

Родилась Уми в бедной деревенской семье и с детства натерпелась горя. В дни войны судьба забросила ее с отцом в Джакарту. Уми умела читать и писать, и ее устроили работать телеграфисткой. Здесь она многое узнала. Она поняла, что колонизаторы обрекают ее родину на нищету и голод. Уми вступила в ряды подпольной организации, борющейся за единство и независимость Индонезии.

В 1948 году ее арестовали, и лишь через четыре года Уми вновь увидела солнце своей родины.

Мы долго ходили с ней по улицам, напевая друг другу мотивы знакомых песен. По дороге встречалось много бездомных женщин и мужчин. Они спали под пальмами, под мостами, у входов в магазины, у оград посольств и мечетей.

— Как мы можем гордиться своими достижениями, когда еще так бедствует народ? Бороться и учиться, учиться и бороться — вот наша святая обязанность, милая подруга, — сказала на прощанье Уми, произнеся это обращение по-русски.

Нам удалось побывать на собрании «Гервани» в Сурабае, в жарком и тенистом портовом городе. Возглавляет там женскую организацию молодая женщина Сутамах.

Нас пригласили в комнату в каменном домике, который принадлежал голландцам, но был продан позднее местному купцу. Здесь помещался комитет «Гервани». Женщины приготовили сладкий рис, завернули его в банановые листочки, наподобие наших блинчиков, и подали огромное блюдо разнообразных фруктов.

В комнату вошло несколько женщин с длинными листками бумаги в руках. Они обходили дома и собирали подписи под Обращением Всемирного Совета Мира. Листки испещрены отпечатками трех пальцев: большинство женщин еще неграмотно.

Сложив сухонькие руки, нас приветствовала старушка. К волосам у нее был приколот цветок, на кофточке — значок «Гервани». Она объяснила, что сама она стара, чтобы принимать активное участие в движении, но пришла сюда вместо двух своих племянниц, которые сегодня заняты на работе.

Одна садовница рассказала нам, как мало платят ей голландские хозяева и как благодарна она «Гервани», которая научила ее грамоте и помогластроить девочку в школу.

— Раз у нас гости из Москвы, — сказала она, — значит, они прослышали, что мы тоже можем быть неплохими хозяйками своей страны.

Сутамах — руководительница женской организации «Гервани» в Сурабае. В ее руках листы с отпечатками пальцев под Обращением Всемирного Совета Мира.

